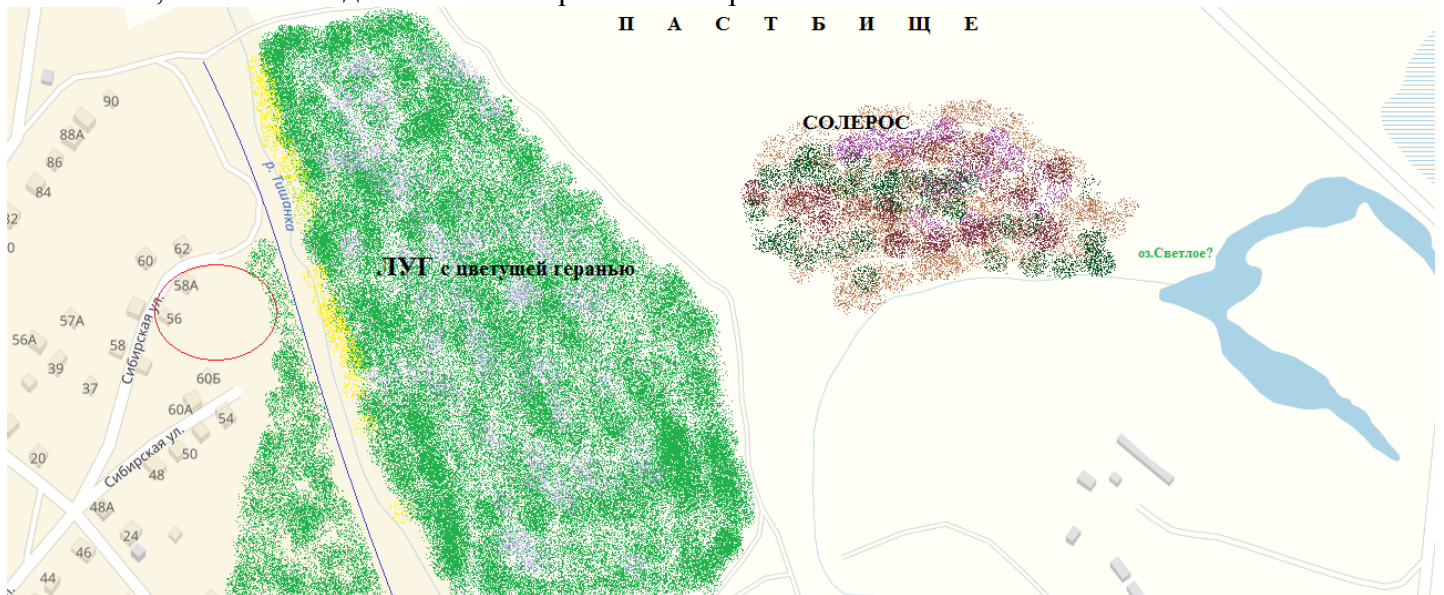

Сегодня, всемирный день рыбака. А уж что-что, а рыбу я помню с самого раннего детства.

Дед Кучеренков Яков Филиппович был в колхозе рыбаком. До конца 50-х годов лесником, когда жили на Нижней Раковке, а потом уж рыбаком. Рыбу добывал сетью, тогда можно было, домой привозил на телеге на сортировку. Вот и помню я корыта, бочки, тазы и ведра в которых эта рыба перебиралась. А еще емкости, где копошились огромные страшные раки. Что за рыба была, не знаю, но бабушка всегда готовила щуку. Очень вкусно, в томате и с луком.

Мы жили в Себровке на улице Сибирской и наши два земельных участка были самыми крайними, за ними – речка Тишанка. Это сейчас я не знаю, есть она или нет? А тогда, особенно по весне разливалась, будь здоров. На самом крайнем участке у нас был построен большой сарай, где в норах жили кролики. Однажды речка за ночь их всех и погубила, затопив все вокруг. Боюсь ошибиться, но кажется где-то так на современной карте:

Я не была там больше 30 лет. Не потому, что жалко полчаса времени, наверное, не хочу разочароваться и потерять очень важное – воспоминания. Лучше я буду помнить дом таким, каким он был. И улицу. И речку. И луг, покрытый цветущей геранью, с которой слетали тучи разноцветных мотыльков от прикосновения наших ног.

После того, как вода весной спадала, и река входила в берега, она как бы раздваивалась, и получался довольно широкий и глубокий отводок, в котором водилась различная некрупная рыба. Получались две реки параллельно одна другой. Под обрывистыми берегами реки водились вьюны.

Жить об речку и не быть рыбаком это неправильно. Даже не помню, по сколько нам было лет, нас в семье детей трое, разница между каждым полтора года и двоюродная сестра еще младше. Одним словом, сейчас бы я своих внуков точно к воде одних не пустила. А тогда, взять оконную тюль вместо бредня, небольшое ведерко для рыбы и отправиться на реку, было делом привычным. Главным командиром был, конечно, брат. Старше все же, да и мужчина, кто же его слушается. Ох и отхаживал же он нас мокрой тряпкой, если мы не желали с головой уйти под воду, чтобы «достать до дна». Но мы же добывали ужин, поэтому, пошмыгав носами от обиды, опять шли в воду.

А ужин мы ждали. Это было целое таинство. Собирались компанией и шли в конец (или это начало?) улицы Октябрьской встречать стадо коров. Играли в ожидании, вдыхая аромат вечернего луга, затем, услышав призывное мычание и щелканье кнута, выстраивались у дороги, высматривая каждый свою корову. Со всех сторон слышалось: «Зорька!», «Майка!», «Марта!». У нас коровы не было, но заинтересованность была. Как только стихал гомон, вызванный встречей коров, наступала тишина. Такая, прямо звенящая. Причем, в прямом смысле, потому, что единственное, чем она нарушалась, это позвякиванием подойников, да мычанием коров. А мы ждали. Ждали, когда закончится вечерняя дойка, чтобы принести к ужину три литра парного молока.

И какое же удовольствие эти пожаренные до хруста на керогазе свежепойманные бубырики и карасики, да еще с домашним ароматным хлебом и парным молоком!